

Астра Грей

4

Думажный СЛЕД

Тайна партера № 4

Астра Грей

Бумажный след. Тайна партера 4.

«Автор»

2026

Грей А.

Бумажный след. Тайна партера 4. / А. Грей — «Автор», 2026

Лондон, декабрь 1888 года. Премьера оперы «Фауст» в Королевском театре Ковент-Гарден оборачивается невозможной загадкой на глазах у высшего света. Под грохот оркестра и вспышку сценического магния из первого ряда бесследно исчезает богатая вдова леди Эвелин Торнтон. В пустом кресле

4 остаются лишь соболья горжетка, перламутровый веер и запечатанный конверт с монограммой ее мужа — угольного магната, погибшего три года назад при взрыве на шахте в Уэльсе. Судебный эксперт Саймон Грейсон и инспектор Скотленд-Ярда Джон Маккалин начинают расследование, в котором нет места мистике. За театральным трюком и исчезновением дамы скрывается хладнокровный расчет, похищенная касса забастовщиков и преступление, похороненное в угольных забоях. Чтобы сорвать маски с призраков прошлого, сыщикам предстоит пройти сквозь ядовитый смог моста Ватерлоо и спуститься в сырые склепы заброшенного аббатства.

© Грей А., 2026

© Автор, 2026

Астра Грей

Бумажный след. Тайна партера 4.

Бумажный след.
«Тайна партера № 4»

ГЛАВА 1. ПРИЗРАК ПЕРВОГО РЯДА

Лондонский декабрь 1888 года укутал Вест-Энд в плотную шубу из угольной копоти и ледяной мороси. Но на Боу-стрит, у сияющих парадных дверей Королевского оперного театра Ковент-Гарден, царил лихорадочное, душное великолепие.

Двухместные кареты с полированными гербовыми дверцами и лакированные брогэмы выстраивались в бесконечную очередь. Лакеи под зонтами распахивали подножки, и на мокрый тротуар ступали шелковые туфельки дам в тяжелых собольих накидках и начищенные до зеркального блеска штиблеты джентльменов. Давали «Фауста» Шарля Гуно — главное светское событие пред рождественского сезона.

В зале стоял ровный гул светской беседы, приглушенный шелестом программных листов и шорохом сотен вееров. В свете гигантской хрустальной люстры, преломлявшей газовые огни в тысячи радужных искр, блистали бриллиантовые парюры и орденские ленты.

Особое внимание публики в этот вечер было приковано к первому ряду партера — прямо напротив центральной ложи.

Там, на месте номер четыре, сидела леди Эвелин Торнтон.

Молодая вдова валлийского угольного магната была ослепительно хороша. Ее изумрудное атласное платье от парижского дома Ворта выгодно оттеняло мраморную бледность открытых плеч, а на шее, приковывая жадные взгляды дам из бельэтажа, мерцал «Глаз Сирены» — легендарный сапфир в сорок каратов, ограненный еще в Калькутте и оправленный в платиновые вензеля.

Справа от нее, на месте номер пять, сидел лорд Алистер Кемпбелл — ее нареченный жених. Высокий, породистый шотландец с тонкими, слегка нервными чертами лица то и дело поправлял манжеты сорочки и бросал рассеянные взгляды на программку, словно музыка волновала его куда меньше, чем собственное отражение в перламутровом лорнете соседа. Чуть выше, в ложе бенуара, застыл личный стряпчий семьи Торнтон — мистер Самюэль Блэквуд, похожий на сухого ястреба в безупречном черном вицмундире.

Дирижер поднял палочку. Огни в люстрах плавно притухли, погружая зал в бархатный полумрак. Взметнулся тяжелый малиновый занавес.

Шел финал второго акта — сцена «Вальса Мефистофеля». Оркестр набирал бешеный, inferнальный темп, духовая секция взрывалась громовыми аккордами. На сцене, в гуще танцующих пейзажей, поднялся столб желтоватого сценического пара.

В кульминационный момент, когда Мефистофель в красном камзоле вскинул руки к колосникам, сценический мастер дал залп магниевой вспышки.

Ослепительно белый, неестественно яркий сноп света на долю секунды озарил партер. В воздухе запахло порохом и сухим ликоподием. Зрители в первых рядах невольно прикрыли глаза ладонями и театральными биноклями — глазная вспышка была рассчитана с пугающей, почти оглушающей силой.

Грохнул финальный аккорд. Занавес с тяжелым шелестом опал на подмости.

В зале вспыхнули газовые рожки, возвещая начало антракта. Публика шумно зааплодировала.

Лорд Кемпбелл проморгался от слепящей белизны, улыбнулся и повернулся влево:
— Какая экспрессия, Эвелин! Не находите ли, что оркестр сегодня превзошел...

Слова застряли у него в горле.

Место номер четыре было пусто.

Лорд замер, моргнул еще раз, решив, что зрение подводит его после магниевого сполоха. Но зрение было ни при чем.

Леди Эвелин Торнтон исчезла.

Она не могла пройти мимо него — проход по ряду был заблокирован пышным турнюром баронессы Уэстморленд, а с другой стороны теснились спинки кресел у самой оркестровой ямы. Двери партера на время акта запирались билетерами на латунные цепочки. Прошло всего три секунды между вспышкой магния и зажжением света.

На пустом сиденье из вишневого шелка сиротливо лежала темно-зеленая соболья горжетка — аккуратно, словно хозяйка просто растаяла внутри нее, не задев мех. Рядом покачивался на цепочке брошенный перламутровый веер.

А прямо посередине бархатной подушки сиденья лежал массивный квадратный конверт из старинной плотной бумаги, запечатанный круглой печатью из густого темного сургуча.

На оттиске четко читался фамильный девиз и монограмма: «Vincere aut Mori. Sir Arthur Thornton».

Монограмма сэра Артура Торнтона. Человека, чьи останки покоились на кладбище Кенсал-Грин уже три года.

Лорд Кемпбелл побелел как мел. Его крик прорезал аплодисменты зала:
— Охрана! Закройте двери! Она... она пропала!

Через сорок минут парадный подъезд Ковент-Гарден был оцеплен двойным кордоном констеблей Скотленд-Ярда под командованием Джона Маккалина.

Зрителей первого яруса не выпускали, среди дам назревала истерика, дирекция театра заламывала руки в фойе, а у подножия сцены, присев на корточки перед креслом номер четыре, уже работал Саймон Грейсон.

Саквояж эксперта стоял на ковре. В руках Саймона блесло увеличительное стекло с шестикратным увеличением.

— Ни звука, ни шороха, Саймон, — глухо бубнил Маккалин, расхаживая взад-вперед вдоль оркестровой ямы и поглядывая на бледного жениха, которого допрашивал сержант. — Двести свидетелей в партере! Вспышка на сцене, три секунды темноты — и дама в шелковом платье с камнем за двадцать тысяч фунтов испаряется в воздухе! Это чертовщина какая-то!

— Оставьте чертовщину бульварным листкам, Джон, — не поднимая головы, спокойно отозвался Грейсон. — Материя не исчезает бесследно. Особенно если эта материя весит восемь стоунов и носит корсет на китовом усе.

Саймон пинцетом приподнял соболью горжетку, поднес ее к лицу и едва заметно принюхался.

— Что там? Духи? — нахмурился инспектор.

— Белые фиалки от Флорис. Но под ними... — Саймон достал из жилетного кармана тонкую стеклянную палочку и провел ею по внутреннему шелковому подкладу горжетки. — Сладковато-удушливый след. Хлористый этил в смеси с очищенным эфиром. Быстродействующий местный и ингаляционный анестетик. Достаточно трех вдохов, чтобы мышцы отказали, а сознание отключилось без единого стога.

Грейсон отложил мех и перевел увеличительное стекло на само кресло.

Это было тяжелое театральное кресло с витыми дубовыми подлокотниками, намертво прикрученное к полу железными болтами. Но Саймон не смотрел на резьбу. Его пальцы скользнули по стыку между спинкой и мягким сиденьем.

Вдруг раздался едва слышный щелчок.

Саймон нажал на скрытую пластину под правым подлокотником — и массивная деревянная подушка кресла номер четыре плавно, без единого скрипа ушла вниз, открыв темный прямоугольный зев в дощатом настиле пола.

Из черного провала пахнуло вековой пылью, сыростью театрального трюма и запахом تازة нанесенного машинного масла.

Маккалин остолбенел:

— Люк?! Прямо под креслом?!

— Не просто люк, Джон, — Саймон опустил луч своего карманного фонаря в глубину шахты, выхватив вертикальные направляющие и толстый пеньковый трос противовеса. — Это профессиональный театральный лифт-капкан. Механизм врезан в пол не раньше вчерашней ночи: края распила еще пахнут свежей сосновой стружкой. Леди Торнтон не растворилась в

воздухе. Ее усыпили и спустили прямо в подполье сцены в то самое мгновение, когда магниевая вспышка ослепила соседей по ряду.

Саймон выпрямился и медленно взял в руки конверт с печатью покойного сэра Артура:

— А вот это, мой дорогой инспектор, куда опаснее любого похищения. Преступник оставил нам не требование выкупа. Он оставил нам вызов.

Грейсон аккуратно взрезал сургуч скальпелем.

Внутри лежал нотный лист партитуры Гуно. На обороте темными, слегка расплывшимися чернилами была выведена единственная строка:

«Пепел к пеплу, долг к долгу. В полночь на мосту Ватерлоо. Приходи один, Артур, или сапфир станет ее надгробием».

Саймон поднес чернила к свету фонаря:

— Чернила железо-галловые. Но написаны не больше получаса назад. И почерк... почерк в точности совпадает с рукой человека, умершего три года назад в Уэльсе.

Саймон посмотрел на замершего в дверях лорда Кемпбелла, затем перевел взгляд на темную пасть люка:

— Добро пожаловать в театр, Джон. Первый акт окончен. Пора спускаться под сцену.

ГЛАВА 2. ПОД СЦЕНОЙ КОВЕНТ-ГАРДЕН

Спуск в театральный трюм Ковент-Гарден напоминал погружение в чрево гигантского деревянного корабля, севшего на мель посреди Лондона.

Воздух здесь был спертый, тяжелым, пропитанным вековой пылью кулис, машинным маслом для лебедок, запахом прелого войлока и сухой сосновой стружки. Потолок — изнанка партера — тонул в густой паутине балок, тяжелых противовесов и свисающих пеньковых канатов. Сверху, сквозь щели в половицах, тонкими иглами пробивался свет люстр зрительного зала, донося приглушенный гул паникующей публики и резкие команды полицейских сержантов.

Саймон Грейсон осторожно спустился по крутой деревянной стремянке, держа в левой руке ацетиленовый фонарь. Джон Маккалин следовал за ним вплотную, сжимая в руке взведенный «Веблей» и поминутно оглядывая темные закоулки подполья.

— Смотри под ноги, Джон, — негромко произнес Саймон, направляя луч света на дощатый настил прямо под проемом люка кресла номер четыре. — Здесь ступали не больше четверти часа назад.

На слое серой пыли, густо покрывавшей пол трюма, отчетливо виднелись следы.

Первые — волочащиеся борозды: тяжелое женское тело, одетое в плотный атлас, бережно приняли на руки прямо из открывшейся шахты люка. На пыльном полу остался отпечаток края темно-зеленого подола платья от Ворта и оброненная перламутровая шпилька для волос.

Вторые следы были куда интереснее.

Саймон опустился на одно колено, поставил рядом саквояж и достал увеличительное стекло.

— Мужчина, крепкого сложения, вес около ста восьмидесяти фунтов, — констатировал Грейсон, освещая четкий оттиск подошвы. — Но обрати внимание на обувь: это не модельные штиблеты зрителей из партера и не мягкие парусиновые тапочки сценических рабочих. Это тяжелые ботинки с подкованными медью мысами и толстой подошвой из сыромятной кожи. Профессиональная рабочая обувь горных инженеров или шахтеров. Набойки защищают от искр при контакте с кремнем.

— Шахтерские ботинки? В королевском оперном театре Вест-Энда? — нахмурился Маккалин. — Угольные копи Уэльса снова дают о себе знать.

— Именно. И посмотри на каблук, — Саймон кончиком скальпеля поддел мелкую черную крупинку, застрявшую в отпечатке ранта, и растер ее на белом бумажном листке. — Антрацитовая пыль. Высокосортный валлийский уголь с характерным металлическим блеском. Тот, кто стоял здесь и принимал леди Торнтон, провел в забоях не один год.

Саймон перевел луч фонаря на сам механизм лифта-капкана.

Конструкция под креслом номер четыре поражала выверенной, почти дьявольской точностью. К нижней части массивной дубовой подушки кресла были прикручены стальные направляющие рельсы с латунными роликами. Спуск приводился в движение противовесом — свинцовой чушкой весом ровно в восемь стоунов, подвешенной на смазанном касторовым маслом тросе.

— Инженерная работа высочайшего класса, — тихо проговорил Грейсон, проводя пальцем по срезу свежего дерева. — Пила-ножовка с мелким зубом, точная подгонка пазов. Механизм сработал бесшумно благодаря резиновым прокладкам на стопорах. Тот, кто резал пол, имел неограниченный доступ в подвалы театра и знал архитектуру здания до последнего дюйма.

— Сценограф, — глухо бросил Маккалин. — Тот самый Джулиан Вэнс. Ты говорил, он был инженером на рудниках Торнтон до того, как подался в декораторы!

— Не будем спешить с выводами, пока факты сами не выстроятся в цепочку, — отозвался Саймон. — Идем по следу.

Цепочка тяжелых шахтерских следов вела от люка вглубь трюма — вдоль центрального вала подъемника декораций, мимо штабелей пыльных холщовых задников с видами старого Нюрнберга.

Через тридцать ярдов следы вывели их к глухой кирпичной стене, отделявшей оперный театр от старых коллекторов Боу-стрит. Здесь, в тени огромного чугунного барабана для намотки канатов, чернела узкая железная дверь аварийного выхода для кочегаров парового отопления.

Тяжелый кованый засов был отодвинут. На замке висела связка ключей с медной биркой: «Служба механики сцены. Доступ круглосуточный».

Саймон подошел к порогу и посветил вниз, на каменные ступени, уходящие в узкий сырой переулочек за кулисами:

— Ее вынесли через служебный тупик на Маркет-стрит. Там не дежурят полицейские патрули — там лишь разгружают телеги с капустой для рынка Ковент-Гарден.

На пороге, прямо у железного косяка, блеснул крошечный синий огонек.

Грейсон наклонился и пинцетом поднял находку. В свете фонаря вспыхнул мелкий граненый сапфир, сорванный с платиновой закрепки ожерелья:

— Звено от «Глаза Сирены». Леди Торнтон либо попыталась сопротивляться в полубессознательном состоянии, либо намеренно оставила нам след.

Сзади, со стороны внутренней лестницы трюма, слышались торопливые, гулкие шаги.

Маккалин мгновенно развернулся, вскидывая револьвер:

— Стоять! Полиция! Руки на виду!

Из полумрака за штабелем декораций вынырнула сухопарая фигура мужчины лет сорока пяти.

На нем был рабочий бархатный жилет, перепачканный охрой и сажей, за поясом торчал складной деревянный аршин, а лицо покрывала бледная сетка мелких шрамов — следы давнего ожога от пороховых газов. Глаза незнакомца лихорадочно блестели в луче карбидного света.

Это был Джулиан Вэнс, главный сценограф и мастер спецэффектов Ковент-Гарден.

— Не стреляйте, ради бога! — хриплым, прокуренным голосом выкрикнул мужчина, поднимая худые руки с узловатыми пальцами. — Я услышал шум внизу... инспектор, это вы взломали запоры отопительного коридора?

Маккалин сделал два шага вперед, прижимая дуло «Веблея» к груди мастера:

— Кто взломал запоры, мистер Вэнс, мы сейчас выясним в камере предварительного заключения. Опустите глаза вниз!

Вэнс взглянул на железную дверь, затем на свои ключи, торчащие из замочной скважины, и лицо его перекошилось от ужаса:

— Моя связка... Но она висела на гвозде в моей мастерской двадцать минут назад, перед тем как я поднялся на галерею давать магниевый залп!

— Вы дали отличный залп, мистер Вэнс, — холодно произнес Саймон, выступая из тени с тростью в руках. — Достаточно для того, чтобы ослепить первые ряды партера ровно на шесть секунд. Как раз на то время, которое потребовалось механическому люку под креслом номер четыре, чтобы проглотить леди Торнтон.

Вэнс отшатнулся, ударившись спиной о деревянную стойку:

— Люк под четвертым местом?! Вы с ума сошли... Я не трогал партер! Я перебирал только кулисы левого крыла!

— Однако ваши ключи открыли дверь похитителю, — с нажимом произнес Маккалин. — А человек, который унес вдову, носит шахтерские ботинки с медными подковами из долины Ронда в Уэльсе. Ровно такие же, в каких вы ходили до аварии на шахте «Черный вереск» три года назад!

При упоминании «Черного вереска» сценограф судорожно сглотнул. Его пальцы нервно задрожали:

— «Черный вереск»... Боже правый. Значит, это правда. Он вернулся.

Саймон шагнул ближе, впери в мастера пронзительный, гипнотический взгляд:

— Кто вернулся, Вэнс? Сэр Артур Торнтон мертв. Его похоронили в закрытом гробу после взрыва метана.

— Вы не знаете всего, мистер Грейсон! — сорвался на шепот декоратор, озираясь по сторонам так, словно тени под сводами оживали. — В гробу на Кенсал-Грин лежали три мешка с пустой породой и обгоревший сюртук! Артур Торнтон не погиб в забое! Он бежал с кассой забастовочного фонда рабочих — сорока тысячами фунтов золотом! А перед побегом он запер в вентиляционном штреке двадцать восемь забойщиков, чтобы скрыть следы хищения!

В подземелье повисла звенящая тишина. Сверху глухо прозвучал третий звонок, возвестивший о срыве третьего акта оперы.

— И кто же знал об этом, кроме вас? — тихо спросил Саймон.

— Знал его поверенный, мистер Блэквуд, — прохрипел Вэнс. — И знал лорд Кемпбелл, которому Торнтон проиграл в вист половину уэльских акций! Но главное... перед самым началом оперы мне в мастерскую принесли записку. Мальчишка-посыльный сунул конверт прямо под дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.